Роль горной ренты во внутренней и внешней политике государств

Волков Иван Васильевич
аспирант, кафедра мировой экономики, Дипломатическая академия МИД России, ivvolkov65@mail.ru

В статье рассматривается роль ренты в экономике внутренней и внешней политике государств. Особое внимание уделено воздействию ренты на экономику СССР и современной России. Показаны роль монопольной, природной (в основном горной) и ценовой ренты. Отмечается пагубная роль монопольной ренты, вызывающей кризис у поставщиков данной ренты. Доказывается, что природная рента является объективно возникающей в условиях разных участков (земли, недр, лесных угодий и др.). В России горная рента, объективно возникающая в недропользовании, изымается специальными налогами: НДПИ и вывозными таможенными пошлинами. Утверждается, что основным видом ренты в настоящее время является ценовая рента, а также что все формы и виды рент обусловлены сравнительными ценами своих носителей (источников) и в конечном счете сводятся к разнице этих цен. Эта разница проявляется на рынке в виде ценовой дифференциации однотипных товаров, т.е. в виде разброса цен. Самое рядовое и массовое явление в экономике до сих пор остается без внимания экономистов. Даже классическая политэкономия этого не замечала, о чем в статье тоже сказано. Показано также влияние этого фактора на экономику и политику зарубежных стран и России. Утверждается, что состояние экономики определяется характером рентных отношений, установленных в обществе. Если обществу (науке) до этого нет дела, верх берет самая простая и самая грубая форма рентных отношений – монопольная, со всеми вытекающими отсюда последствиями в виде кризисов.
Ключевые слова: монопольная рента, природная, в том числе горная рента, ценовая рента, экономическая и внутренняя политика зарубежных стран, СССР и России, обуславливаемая указанными видами ренты.

Современный глобальный экономический кризис (как никогда прежде) обострил социальные и политические конфликты в мире. Аналитики отмечают особый характер сложившейся ситуации. И все думают и гадают, чем всё закончится, как и когда разрешится кризис и разрешится ли он вообще. Первыми в этом «хоре предсказателей» выступают экономисты и политэкономы. Они дружно говорят о мрачных перспективах, вразнобой – о причинах и виновниках, и почти ничего не говорят о мерах по выходу из кризиса и о его профилактике. Те отдельные рецепты, что изредка оглашаются ответственными лицами по долгу службы, содержат рекомендации локального характера и не претендуют на решение проблемы в принципе. Системного решения проблемы циклов и кризисов никто не предлагает. Даже вопрос так не стоит.[1] Хотя в истории экономической науки был период, когда вопрос стоял именно так: избавиться от кризисов раз и навсегда.

Такую задачу ставила перед собой марксистская политэкономия. Но решать её пришлось советской науке – «политэкономии социализма». Чем это кончилось, известно – ничем. И хотя опыт «построения социализма» был весьма полезным и поучительным (с научной точки зрения), главную задачу решить не удалось – создать экономику «нового типа» не получилось. Вопреки ожиданиям выяснилось, что без рынка ни одна экономика обойтись не может и на одном плане далеко не уедешь. А ведь ставка делалась именно на план. Так хотели избавиться от стихии рынка и кризисов. Но в итоге вернулись к тому и другому.

В советской экономической науке было много противоречий:
– заявлялось, что капиталистов нет, а труд оставался наемным;
– декларировалась диктатура пролетариата на все слои населения;
– народ был хозяином предприятий, но ими не распоряжался;
– народ в планировании не участвовал и в распределении благ тоже.

Зачем была установлена «руководящая роль партии» (КПСС)?!

Что за субъект такой – партия? Да еще с такими полномочиями?! Где научное обоснование необходимости такого субъекта? У К. Маркса, в его трактовках народовластия, ничего подобного не было! Там всё решал сам народ, без посредников. А тут – партия! Откуда она взялась, из какой экономической теории?

Чтобы во всём этом разобраться, надо вернуться к началу советской истории, к тем условиям, в которых советская экономическая наука начинала формироваться. Попутно для сравнения коснемся и судьбы западной науки. Ведь они пошли разными путями.

После образования СССР мировая экономическая наука разделилась на две части – на западную и советскую. Сразу отметим – ни той, ни другой на пользу это не пошло, особенно западной науке. Она вообще оторвалась от реальности и уже давно не способна решать стоящие перед ней задачи.

Главная причина провала западной экономической науки заключалась в отказе от классической политэкономии.[2] Отказ этот был осуществлен под предлогом угрозы «свободному миру» со стороны нового радикального крыла политэкономии – «марксизма».

Взамен устоявшейся, классической системы научных взглядов в основу западной науки было положено то, что Маркс справедливо называл «вульгарной политэкономией».[3] А вместо идеологически чуждой и социально опасной «трудовой теории стоимости», лежавшей в основе всё той же классической политэкономии, на роль «методологического ядра» (главного учения) была принята «теория предельной полезности» Джевонса–Менгера – «маржинализм».

«Появившиеся в 1874-1877 гг. «Элементы чистой политической экономии, или теория общественного богатства» Леона Вальраса, ... вместе с опубликованными в1871 г. «Теорией политической экономии» У.С. Джевонса и «Принципами политической экономии» К. Менгера составляет ядро маржиналистской революции. В ходе этой революции классическая политическая экономия перестала быть господствующей системой экономического знания и уступила лидирующие позиции новой исследовательской программе, представляющей экономику в виде совокупности экономических

субъектов, поведение которых описывается концепцией предельной полезности.» [2, С.V (Предисловие к русскому изданию)]

«Теория «предельной полезности» – вульгарная буржуазно-апологетическая экономическая теория, возникшая в 70-х годах XIX в. в противовес теории трудовой стоимости Маркса. Согласно этой теории в основе стоимости лежит не общественно-необходимый труд, а так называемая предельная полезность товара, отражающая субъективную оценку полезности товара, который удовлетворяет наименее неотложную потребность покупателей. По мнению сторонников теории «предельной полезности», теория трудовой стоимости неверна, так как в действительности, говорили они, цены не совпадают со стоимостью, и последняя определяется обычно случайными и несвязанными с производством обстоятельствами, вроде редкости товара и другими. Будучи одним из средств маскировки эксплуатации наемной рабочей силы при капитализме, теория «предельной полезности» широко распространена в современной буржуазной политической экономии.» [1, т.25, ч.1, С.510, Примечания, п.6]

Как это отразилось на общем уровне западной экономической науки, хорошо видно по той критике, которая звучала всегда и со всех сторон, начиная с Ф. Энгельса [1, т.25, ч.1, С.13], советских экономистов и заканчивая её собственными адептами. Так Н.Г. Мэнкью, например, в своей книге «Принципы экономикс» упрекает коллег по ремеслу в недолговечности их теорий и разном «мировоззрении»:

«Экономика – наука, теории которой не могут похвастаться долгожительством... Экономисты отличаются собственным, свойственным только им мировоззрением...» [3, С.19]

Или, вот, Э. Хансен:

«...гипотезы экономистов часто кажутся расплывчатыми, если не вовсе запутанными...» [4, С.518]

Западные вульгарные теории откровенно примитивны. Это видно даже из беглого анализа популярной теории ренты Альфреда Маршалла, сущность которой сводится к противопоставлению двух понятий: «ренты» и «квазиренты». «Рентой» А. Маршалл называет доход, «извлекаемый из даров природы». А «квазирентой» – доход, «извлекаемый из созданных человеком машин и других орудий производства». [5, С.135] Насколько оправдано такое противопоставление и нужно ли вообще вводить понятие «квазиренты» в научный оборот – такими вопросами А. Маршалл не задается. У него своё понимание. Однако природу ренты он так и не раскрыл и сущности её не показал.

А. Маршалл всю совокупность экономических отношений назвал «рыночными отношениями», что, на наш взгляд, явно преувеличено. Экономические отношения по поводу природной ренты, вне сомнения, выделяются и являются важной частью экономики. Но то, что А. Маршалл назвал «квазирентой», объективно не существует. Скорее всего это невнятно названное экономическое явление. Может быть, это неточный перевод на русский язык, поскольку слово «rent» в английском языке имеет много значений. Кстати, в Америке «rent» обозначает налог, что отнюдь не соответствует российскому пониманию природной ренты. У нас под рентой (природной рентой) понимается объективная экономическая реальность (экономический феномен), приносящая владельцу (собственнику) того или иного природного ресурса (недр, земли, леса, воды и т.п.) дополнительный доход, не зависящий от трудовых и капитальных затрат этого собственника, т.е. незаработанный доход.

Тема ренты затрагивает фундаментальные основы экономических отношений. Она как нельзя лучше подходит для проверки теорий на глубину анализа, на их новизну и научную состоятельность. По степени проработки этой темы можно судить о достоинствах и недостатках разных теорий, можно сравнивать их между собой.

Но что могут сравнивать западные экономисты, находящиеся в плену догм маржинализма? – Только сами догмы. Их там так много и они так перепутаны, что разобраться в них невозможно. Да это и не нужно. Западные экономисты прекрасно знают цену своим «теориям» – они бесполезны.

«...преподаватели должны и сами верить в то, что знание экономической теории окажется полезным не только для решения искусственно придуманных задач или успешной сдачи столь же искусственных экзаменов, но и для чего-то большего.» [6, С.12]

Апатия и скепсис, читаемые в этих словах, есть косвенное признание безнадежности сложившегося положения. Выйти из него можно только выйдя за рамки маржинализма. Мало того. Надо еще постичь и по достоинству оценить другую систему знаний – классическую, основанную на трудовой теории стоимости. Только тогда появится смысл в дальнейшем научном поиске и, возможно, интерес к ренте как главному экономическому явлению.

Кто из маржиналистов знает классическую теорию ренты, наиболее полно изложенную в «Капитале» К.Маркса? И что они вообще знают о ренте? Не о физических её проявлениях, а о стоимостных, сугубо экономических? Анализ показывает – практически ничего! Эти две стороны ренты – натуральная и стоимостная (природная и социальная) – в маржинализме не различаются и часто смешиваются, затушевывая друг друга. А.Маршалл постоянно их путает. Он отождествляет «ренту» с «дарами природы», а «квазиренту» – с творением рук человеческих. Как будто «дары природы» падают с неба, а не достаются по воле и при активном участии людей.

Миф о «дарах природы» в виде стоимостной (социальной) ренты очень удобен для оправдания и маскировки любой монополии на средства производства. Обычно он используется для оправдания высоких доходов добывающих компаний. Хотя на самом деле эти доходы вытекают не из природной ренты (горной, земельной и т.д.), а из монопольного права на добычу и присвоение бесплатных природных ресурсов в свою частную собственность. Низкая себестоимость добычи ресурсов и высокая цена их реализации на мировом рынке[4] – вот настоящий источник незаработанной сверхприбыли операторов сырьевого рынка. Это монопольная прибыль. В её основе лежит установленная мировым сообществом цена природного ресурса, а отнюдь не земельная, лесная, горная или какая-либо еще натуральная измеряемая в физических единицах рента.

Право добычи ресурсов, получаемое даром (или почти даром), «даром природы» не является. Это дар человеческий. Со стороны колониальных и развивающихся стран – это дар вынужденный, колониальный. Не только природные ресурсы, но и фабрики, и заводы часто оказываются «даром», когда они достаются криминальным путем (рейдерским захватом) или на законных основаниях передаются в безвозмездное пользование частным компаниям, своим (олигархическим) или иностранным (ТНК[5]). А разве земля феодалам не так доставалась? Это потом они стали «законными» обладателями природной ренты. А сначала они должны были её «узурпировать», т.е. у кого-то отнять и безвозмездно себе

присвоить.

«Крупные феодалы, стоявшие в самом резком антагонизме к королевской власти и парламенту, создали несравненно более многочисленный пролетариат, узурпировав общинные земли и согнав крестьян с земли...» [1, т.23, С.730]

Что на это могут сказать поклонники «квазиренты» – чем она от «ренты» отличается?

В сущности – ничем! Это такой же результат частного владения ресурсом, каким является всякий рентный доход, получаемый одинаково, что с земли, что с месторождения, что с машины. Главное здесь не то, как ресурс создается (человеком или природой), а то, как он достается (собственнику, владельцу). Если он достается даром или дешево, тогда рента гарантирована. А если втридорога, то ренты не будет. И тут не имеет значения – земля это, недра или машина. Значение имеет только цена ресурса, его покупная цена. Если эта цена ниже рыночной (средней), тогда используемый ресурс будет приносить ренту (повышенный доход). Если цена выше средней, тогда ресурс будет нерентабельным, а основанное на нем производство – убыточным, невыгодным. Вот что такое экономическая рента, которая составляет главный предмет интереса во всякой коммерческой деятельности. Рента же (в совокупности) определяет динамику развития и общее состояние всей экономики. А. Маршалл всё своё внимание сосредоточил на внешних проявлениях ренты – на её материальных формах, и общей их сущности (общей стоимостной природы) не увидел. Поэтому и не смог свести к одному понятию – к «ренте» – две, казалось бы, разные группы доходов, получаемые от разных источников – от недр, земли или от машины.

Двойственность ренты (её стоимостная и физическая природа) не вписывается в примитивную логику одностороннего восприятия экономических явлений, в субъективную логику маржинализма. Либо одно, либо другое – таков подход к предмету в западной науке. А вместе – сущность явления и его форма (стоимость и её носитель) – никогда не рассматриваются. Охватить предмет целиком во всех его проявлениях западные теории не могут – методология не позволяет. Оттого и плодятся новые понятия вроде «квазиренты» и всё новые теории, создаваемые для каждого отдельного случая и по каждому поводу. Западных теорий – старых и новых, забытых и еще не очень – много, а классическая теория до сих пор одна. Она остается в силе.

Современная западная наука целиком строится на мифах, догмах и предрассудках, заимствованных у примитивной доклассической экономической науки эпохи «меркантилизма» и «физиократии». Она полностью оправдывает свое первое и подлинное название «вульгарной политэкономии», присвоенное ей Марксом еще до того, как она отделилась от классической политэкономии.[6] Ждать от неё «прорыва» в решении насущных экономических проблем бессмысленно, она на это не способна.

Перейдем к анализу советской политэкономии, прямой наследницы марксизма.

Оценивая вклад советской науки в разработку данной темы, приходится признать, что в советской политэкономии теория ренты развития не получила. Она входила в образовательные программы, в тематику научных исследований, но из общего ряда тем особо не выделялась. Считалось, что для плановой экономики она не актуальна.

Как тогда рассуждали: если частный капитал ликвидирован, значит нет эксплуатации труда, как главной формы рентных отношений. Вместо рынка принят план. А там, где план, там нет места ренте. Нет спекуляции, ростовщичества – им просто неоткуда взяться! На том и успокоились. Ведь строили коммунизм, где ренты вообще не будет.[7] Да и в переходный период её вроде бы можно было избежать, применяя социалистический принцип распределения «по труду». В - общем, тема ренты выпала из списка насущной проблематики. Так она оказалась не у дел – и в СССР, и на Западе. Хотя могла бы еще послужить. Ведь с распределением «по труду» так ничего и не получилось! Не потому ли, что нетронутыми оставались фундаментальные, исходные формы рентных отношений, которые отменить невозможно?! Перечислим лишь некоторые из них – те, что были актуальны и в советское время:

– непропорциональное развитие отраслей;

– разница в эффективности работы предприятий (в издержках производства);

– разброс цен на товарных рынках (как следствие разной эффективности);

– пресловутое неравенство между городом и деревней;

– и многое другое, с чем советская власть неустанно боролась, но так и не справилась.

Первопричиной всех неравенств является общественное разделение труда. Оно лежит в основе всех экономических диспропорций. Избавиться от него невозможно. Поэтому приведенные выше «недуги» советская экономика преодолеть не могла – это была невыполнимая задача.

Планом можно исправить какие-то отдельные неравенства и перекосы, но устранить все невозможно. В этом была фундаментальная ошибка Маркса и советской политэкономии. Можно составить план отдельно взятого завода. Но нельзя составить план экономической деятельности всех акторов народного хозяйства, тем более такой громадной страны, как Советский Союз.

Объективность возникновения природной ренты и рентные отношения первичны. А отношения собственности вторичны и не могут рассматриваться в качестве главного инструмента воздействия на экономику, на формы её организации. Хотя в каких-то случаях и такое возможно, а иногда даже необходимо. Однако устойчивая трансформация отношений собственности вызывается не сменой собственников, как полагал Маркс (даже если речь идет о целых классах), – а только сменой характера рентных отношений, характера распределения ренты. Сначала меняется порядок распределения ренты, и только потом возникают соответствующие этому порядку формы собственности.

На примере СССР это хорошо было видно. Сколько ни пыталась власть «обобществить» производства, изымая их у частников, – общими они так и не стали. Межведомственные барьеры и местничество были первой преградой на пути обобществления производств. Это мешало государству наладить всеобщий учет и контроль, как того требовал В.И. Ленин. Из-за этого, в частности, не мог эффективно работать Госплан. Он и не работал, как от него хотели.

Пока сохранялась жесткая вертикаль власти (при Сталине) и экономика была сравнительно небольшой, производственные нормы и тарифы, устанавливаемые Госпланом (Совнаркомом), не позволяли предприятиям резко снижать производительность труда, что в отсутствие конкуренции было неизбежно. Но с ослаблением контроля эффективность производств падала. Главной причиной тому была низкая мотивация работников. Её пытались поднять искусственно, проводя «социалистические соревнования» (суррогат конкуренции), однако проблемы это не решало. Дело усугублял хронический дефицит рабочей силы,

порождаемый целым рядом причин:

– создание новых предприятий (в отсутствие конкуренции) не влекло за собой закрытие старых, в результате чего возникал избыточный спрос на рабочую силу;

– единые тарифы, оклады и социальные гарантии (по специальностям и социальным группам) не способствовали повышению качества труда;

– дегуманизация труда, утрата высоких смыслов и целей, разочарование в «социалистических» и «коммунистических» идеалах сводили интересы людей к получению материальных благ и тем развращали их, создавая культ потребления;

– наличие хронического товарного дефицита плодило социальных паразитов (спекулянтов, тунеядцев, криминал).

Многие «несознательные» советские граждане, отбывая на рабочих местах трудовую повинность, занимались своими личными делами за государственный счет. Это была скрытая безработица, благосклонно воспринимаемая населением. Там, где рабочий регламент позволял (при простой повременной оплате труда), она носила массовый характер.

Если бы доходы предприятий справедливо распределялись (по труду) и не превращались в узаконенную чиновничью (административную)[8] ренту (в их премии, льготы и привилегии) и если бы рядовые работники могли легко и оперативно менять место работы (постоянное место жительства), тогда проблема производительности труда, может быть, стояла бы не так остро. Но тогда бы ломалась работа Госплана и он бы не обеспечивал распределение материальных и трудовых ресурсов должным образом – качественно и в срок.

Хотя дело даже не в этом.

Плановая экономика, как уже отмечалось, исключала конкуренцию. Все предприятия были уникальны и «лишних», как в рыночной экономике, не было. Это расхолаживало руководящий состав предприятий, мешало обновлению производств и порождало многоукладность.

В советской экономике сосуществовали и легко уживались производства и технологии разных поколений, старых и новых. Из-за низкой мотивации труда работников низким оставалось качество товаров и был скудным ассортимент. Объемы выпуска росли, а спрос на некачественные товары падал. Это была расплата за экстенсивный тип развития, свойственный плановой экономике.

Избавиться от старых производств было почти невозможно. Как правило, это были крупные градообразующие предприятия, штат которых больше негде было трудоустроить. И предприятия не трогали. Фонды выделяли, зарплату платили. И с полученными деньгами все гонялись за дефицитом, которого становилось всё меньше и меньше, пока он совсем не пропадал с прилавков магазинов. Из рядового товара дефицит превращался в роскошь, в административную ренту, без остатка поглощаемую номенклатурой.

Для появления дефицита в СССР было две основные предпосылки. Одну мы уже разобрали – это хроническое отставание производства качественных товаров от роста покупательной способности населения. Второй предпосылкой были директивно устанавливаемые, фиксированные и явно заниженные товарные цены,[9] позволяющие привилегированным слоям населения (чиновникам и работникам торговли) извлекать выгоду (административную и спекулятивную ренту[10]) из оборота дефицитных товаров.

Ренту можно было получить, спекулируя дефицитом на черном рынке, где цены государство не контролировало. В этом случае она приобретала форму спекулятивной ренты. А можно было получить её в чистом виде, как сугубо ценовую ренту. Для этого достаточно было оказаться в нужном месте (в магазине) в нужное время – когда в продажу «выбрасывали» дефицит. И тогда покупатель становился обладателем дешевого и нужного ему товара, не прибегая к услугам посредников и спекулянтов.

Разница в цене «черного» и «белого» рынков была той самой ценовой рентой, которая в данном случае выступала в виде сэкономленных покупателем денег. Дешевый дефицитный товар, как и всякий дешевый товар, – это товар с ценовой рентой – он её носитель. Продав дефицит на черном рынке, можно было ценовую ренту превратить в спекулятивную, в деньги.

Спекулятивная рента в СССР многим людям служила вторым, а иногда и главным источником доходов. Достаточно было иметь постоянный доступ к дефицитам и можно было не работать.

Дефицит пагубно влиял на результаты распределения благ в обществе. Он способствовал росту имущественного неравенства людей, что прямо противоречило основополагающему принципу социального равенства, закрепленному в Конституции СССР:

«Государство способствует усилению социальной однородности общества – стиранию классовых различий, существенных различий между городом и деревней...» [8, Статья 19]

Борьба с этим вопиющим противоречием велась по-разному – не только силовыми методами, но и на ментальном уровне. По нормам «социалистической морали» доходы, содержащие административную или спекулятивную ренту, подпадали под определение «нетрудовых доходов» и всячески порицались.

Рента была явным признаком нарушения социалистического принципа распределения «по труду».[11] И хотя советская пропаганда вела неустанную борьбу с нетрудовыми доходами, они не только не изживались, но и росли «по мере развития социализма». Такое странное сочетание двух взаимоисключающих тенденций, наблюдавшихся на протяжении всей эпохи «развитого социализма» (последних 30 лет существования СССР), прямо указывало на то, что с советским «социализмом» творится что-то неладное. И виной тому была и рента, обойденная вниманием советской науки.

Легальные нетрудовые доходы чиновников являлись формой реализации административной ренты, а нелегальные доходы спекулянтов – ценовой. Чиновники получали блага прямо из фондов государства в натуральном и денежном выражении. А спекулянты – опосредованно, через куплю-продажу, в деньгах. При этом чиновники тоже могли выступать в роли спекулянтов, как и спекулянты – становиться чиновниками. В таких случаях происходил взаимообмен рентами (взаимопревращение рент).

Обмен рентами – такое же распространенное явление в экономике, как товарный обмен или товарно-денежный. Однако он почему-то наукой не рассматривается. Здесь явный пробел.

Нетрудовые доходы от спекуляции имели место на протяжении всей истории СССР. И хотя избавиться от них не удавалось, они никогда не достигали размеров и масштабов, сравнимых с доходами номенклатуры. Спекуляция была под запретом и каралась, а доходы номенклатуры – нет, хотя львиную долю в них занимала нетрудовая административная рента.

Почему же власть с этим мирилась?

Потому что административная рента в СССР была таким же ключевым, системообразующим рентным доходом, каким была земельная рента в Западной Европе при позднем феодализме. Для сравнения возьмем несколько выдержек из «Капитала» Маркса:

«...земельная рента здесь есть та форма, в которой земельная собственность экономически реализуется...» [1, т.25, ч.2, С.167]

«...доход земельного собственника является экономической реализацией его монополии...» [Там же, С.175]

«Какова бы ни была специфическая форма ренты, всем ее типам обще то обстоятельство, что присвоение ренты есть экономическая форма, в которой реализуется земельная собственность, и что земельная рента, в свою очередь, предполагает земельную собственность, собственность определенных индивидуумов на определенные участки земли...» [Там же, С.183]

Теперь понятно, чем являлись льготы и привилегии советской номенклатуры? – Это была форма реализации собственности на средства производства. Это была «советская» форма собственности. Иными словами, собственность в СССР (на землю, фабрики и заводы) лишь номинально была народной (общественной или социалистической),[12] а фактически она была «номенклатурной», т.е. частной (государственно-корпоративной). Энгельс это подтверждает:

«Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки.» [1, т.20, С.290]

Сегодня эта цитата Энгельса является весьма актуальной. Недра (на примере «Роснефти») национализируются государством, превращаясь в Акционерное общество. Т.е. Российская Федерация превращается в необъятное акционерное общество, владеющее землей, лесами и прочими природными ресурсами.

Наследие крепостного права, перешедшее в практику военного коммунизма, наложило отпечаток на всю историю «советского государства». Являясь частным институтом власти (институтом власти чиновников), государство по форме собственности, лежавшей в основе власти, оставалось по большей части феодальным, даже не капиталистическим. Поэтому и труд в СССР всегда оставался принудительным. Даже будучи наемным (формально свободным), он по сути являлся крепостным.[13] Виной тому были три обстоятельства, три нормы советского бытия:

– трудовая повинность (обязанность трудиться);

– паспортный режим (привязка к месту постоянной прописки);

– вынужденное «домашнее» творчество (новаторство как хобби).

Последняя норма была прямым следствием несовершенства советской модели организации общественного производства. Творческий труд на рабочем месте был уделом немногих. Немало изобретений рождалось и применялось не в народном хозяйстве, а в кустарных условиях домашних мастерских. До внедрения их в массовое производство дело обычно не доходило. Хотя само явление носило довольно массовый характер.

Советская плановая экономика, скованная жесткими ГОСТами (стандартами), была консервативна в выборе технологий и невосприимчива к новациям, особенно к мелким, не требующим больших затрат, но требующим частой коррекции планов. Поскольку планы верстались «на самом верху», шансов внедрить новации, не предусмотренные пятилетним планом, не было никаких. В этом отношении частное капиталистическое производство выглядит предпочтительнее. Оно более восприимчиво к научно-техническому прогрессу.

Когда вторая, послевоенная, волна индустриализации в СССР стала спадать (к 1960 году), государственная монополия на средства производства стала мешать развитию экономики, точно так же, как веком раньше феодальная монополия на землю мешала развитию Западной Европы. В советской экономике наметилось снижение темпов роста. Реакцией на это стала «косыгинская» реформа 1965-1970 гг. Государство решило повысить самостоятельность предприятий и внедрить экономические методы управления народным хозяйством. Но принятыми полумерами добиться этого не удалось, и экономика стала погружаться в застой. Это была главная экономическая причина проигрыша СССР в конкурентной борьбе с Западом.

Мобилизационная экономика хороша на короткой дистанции, когда нужно совершить масштабную техническую революцию, внедрить новый технологический уклад. Тогда издержки форсированного перехода оправдываются. Но на длинной дистанции, на этапе эволюционного развития производств и мелкой доводки технологий такая затратная модель не годится. Она быстро теряет первоначальный импульс. Из-за отсутствия конкуренции и внутренних стимулов развития у самих предприятий плановая (централизованная) экономика не может интенсивно развиваться. Осознание этого стало одной из причин негласного отказа некоторых руководителей СССР от дальнейшей реализации «социалистического проекта».

Выбор «капитализма» в качестве альтернативной модели развития был не случайным – просто ничего другого не оставалось. Однако и он не дал желаемого результата. Переход к нему путём повальной приватизации государственных предприятий едва не закончился полной потерей государственности на всём пространстве СССР. Лишь ценой больших усилий и рискованных политических маневров удалось остановить распад единого государства на полпути в небытие (на стадии размежевания входивших в его состав союзных республик), да и то не полностью. Внутри некоторых «независимых» новообразований до сих пор идут процессы деления по национальному признаку. Такова цена слепого применения либеральной идеи свободного рынка, навязанной западными монополиями в корыстных целях. Благо, власть в России опомнилась и запустила обратный процесс, ведущий к интеграции хозяйств с образованием крупных производственных конгломератов, способных хоть как-то противостоять иностранным конкурентам. В результате затянувшихся экономических реформ Россия как бы зависла в переходе от «советской» государственно-феодальной монополии к отраслевой-корпоративной, основанной на крупном частном капитале.

В таком неопределенном состоянии сегодня находятся многие страны ближнего и дальнего зарубежья. Их это, конечно, не устраивает прежде всего из-за долгого отсутствия экономического роста. И хотя многие еще надеются на перемены к лучшему, ситуация на мировом и внутренних рынках вряд ли изменится, потому что миром правят США, привыкшие решать свои проблемы за чужой счет. И проблемы немалые.

США рассматривают большинство стран ближнего и дальнего зарубежья, добывающие минеральное сырье как свои «феодальные» колонии. Однако Российская Федерация стоит особняком в ряду добывающих стран. И хотя мы относимся к развивающимся странам, считать нас колонией нельзя. У нас установились осо-

бые рентные политико-экономические связи с США, из-за чего возникают многие разногласия.

В чем наша реальная российская специфика и почему мы не колония, а великая мировая держава, входящая в пятерку великих стран мира?

Прежде всего у нас особая структура собственности, особенно в отношении собственности на минеральное сырье. На запасы и ресурсы полезных ископаемых (ПИ), на добытые на-гора руды и ПИ, а также на продукцию обрабатывающих предприятий.

Кратко проследим этапность преобразования советской собственности в сегодняшнюю частную (скорее, квазичастную) собственность.

После чекового этапа приватизации, который завершился официально 1 июня 1994 г., и залоговых аукционов в 1995 г. проблемам разгосударствления уделялось очень мало внимания в новейшей российской истории. Ни шатко, ни валко происходил передел частной собственности, которая целенаправленно сосредотачивалась в руках очень узкого слоя населения. Было много разговоров о сокращении госсектора, его приватизации, но дальше разговоров дело, по большому счету, не доходило.

Имеются многочисленные прямо противоположные оценки итогов прошедшего 25-летнего периода приватизации, среди которых преобладают отрицательные оценки.

Подавляющее число граждан страны считают себя незаслуженно обделенными, смирились с существующим положением вещей, понимая, что первоначальное накопление капитала всегда являлось воровским, а присвоение общенародной советской собственности при переходе от социализма к капитализму является вдвойне - втройне воровским.

Наиболее объективная оценка итогов чековой (1992-1994гг.), залоговой (1995 г.) и первого этапа денежной приватизации (1996-2001 гг.) дана в масштабном исследовании Счетной палаты РФ, проведенном в 2003 г., которое кратко изложено в «Российской газете» от 17.02.2012 г.

В своей предвыборной статье «Нам нужна новая экономика» В.В. Путин заявил: «В обществе много говорят о том, что приватизация 90-х гг., включая залоговые аукционы, была нечестной. И я с этим полностью согласен. Но отъем собственности сейчас, как предлагают некоторые, привел бы просто к остановке экономики, параличу предприятий и всплеску безработицы. Кроме того, многие нынешние собственники этих активов формально являются добросовестными приобретателями. Они не нарушали принятых тогда законов. Многие из них модернизируют предприятия, вводят новые рабочие места, являются эффективными собственниками. Поведение их в период кризиса 2009-2010 гг. показало, что существенно выросла и социальная ответственность бизнеса». [12]

В настоящее время начинается новый этап (новая волна) приватизации, которая, несомненно, должна учесть и интересы гражданского общества, и одновременно в определенной мере сгладить, а по возможности исправить слишком уж явные перекосы предыдущих этапов приватизации.

Об этом весьма отчетливо пишет в вышеупомянутой статье В.В. Путин: «Мы рассчитываем на активное участие российского капитала в приватизации и дальнейшем развитии высокотехнологичных активов. Одновременно надо искать покупателей среди глобальных инвесторов, которые готовы были бы не только вкладываться в научно- производственную базу, а принести свои связи, свое место на крупных международных рынках». [12]

Рассуждая о привлекаемом капитале, В.В. Путин констатирует: «... средства населения почти не работают на рынке капитала. Это означает, что население не получает своей доли дохода от экономического роста, от увеличения капитализации экономики. Нужны программы вовлечения в инвестиции средств населения - через пенсионные и доверительные фонды, фонды коллективного инвестирования. В странах с развитой рыночной экономикой это значительная часть национального капитала. ... Выше я уже говорил о наших планах приватизации ряда ключевых активов. Хочу при этом отметить, что приватизация носит не фискальный, а структурный характер. То есть мы продаем не только для того, чтобы получить дополнительные деньги в бюджет, а в первую очередь для того, чтобы повысить уровень конкуренции в экономике, расчистить поле для частной инициативы. Но продавать по дешевке, игнорируя конъюнктуру рынка, просто глупо. Ни один хозяин так не поступит». [12]

Выступая на пленарном заседании ежегодного Петербургского экономического форума 21 июня 2012 г. Президент Российской Федерации пригласил иностранных стратегических инвесторов к участию в будущей российской приватизации, заверив их, что Россия «будет последовательно выходить из государственных активов, план приватизации одобрен и будет выполняться».

«Кроме того, новая волна приватизации не должна повторять ошибки приватизации 90-х годов, когда проводились сомнительные сделки с покупкой предприятий по заниженной стоимости «Новая приватизация должна быть принята обществом - подчеркнул В.В. Путин. Она должна быть честной, справедливой, открытой, в результате должен появиться честный покупатель по нормальной цене»» [13].

Новую волну приватизации следует рассматривать как многоцелевой и многоаспектный экономический процесс, связанный с бюджетной и с пенсионной системами, а также с развитием форм собственности, включая публичную собственность государства и его граждан.

Цели новой волны приватизации носят разновекторный характер:

- повышение эффективности реального сектора экономики;
- привлечение стратегических инвесторов;
- наполнение бюджета;
- структурная приватизация, включая изменение структуры приватизируемых предприятий;
- ограничение размера пакета акций у одного юридического или физического лица;
- увеличение уставного капитала путем допэмиссии акций;
- изменение дивидендной политики; до сих пор государство отказывалось от своей доли, а должно, наоборот, требовать увеличения дивидендов;
- замедление оттока капитала и стимулирование его притока.

Приватизация монополий и олигополий с сохранением в руках государства контрольного пакета (и даже золотой акции) принципиально ничего не изменяет и, кроме как фискальный эффект, ничего не несет.

Главным доминирующим остовом новой волны приватизации должно стать приобщение широких слоев населения к государственной собственности на природные ресурсы, участие народа, всех его слоев, в приватизации.

В.В. Путин в своей статье «Нам нужна новая экономика» отмечает: «в самом начале моего первого президентского срока мы столкнулись с настойчивыми попытками продать за рубеж ключевые активы. Сохранение в частных руках нескольких человек стратегических ресур-

сов страны в перспективе 5-10 лет означало, что контроль за нашей экономикой будет осуществляться извне». [12]

Сегодня социальная ситуация изменилась в лучшую сторону и В.В. Путин призывает «…испробовать новые формы – в частности, открывать накопительные пенсионные счета непосредственно в банках. Поддержка формирования длинных денег должна стать приоритетом на ближайшие 10-15 лет. Это долгий процесс, и не надо бояться, что он не даст немедленных эффектов. У нас есть главное условие его успешности: в России быстро растет средний класс, готовый вкладывать свои деньги в более качественное медицинское обслуживание, в лучшее жилье, в более высокие пенсии. Задача государства - чтобы его деньги не сгорели». [12]

Геологическая отрасль – ключевой элемент развития мировой экономики на протяжении всего двадцатого столетия и в наступившем двадцать первом веке. Результаты геологического изучения недр Земли оказали первостепенное влияние на глобальное разделение труда, формирование региональных особенностей мировой экономики, специализацию стран по видам производимой продукции минерально-сырьевого сектора.

Геологическая разведка, добыча и торговля минеральным сырьём формируют его мировую конъюнктуру. Стремление к глобальному равновесию между производством и потреблением минерального сырья позволяет сократить острые потребности населения Земли в тех или иных видах продукции минерально-сырьевого сектора. Здесь заложено диалектическое противоречие, заключающееся в том, что государства, преимущественно потребляющие минеральное сырьё, имеют существенную зависимость от государств - производителей сырья, и наоборот. Ещё одним противоречием является то, что результаты геологического изучения, с одной стороны, лежат в основе мирового прогресса, а с другой, могут рассматриваться как одна из причин глобального финансово-экономического кризиса.

Важнейшей целью развития геологической отрасли в настоящее время является удовлетворение мировых потребностей в минеральном сырье: пресная питьевая вода, энергоресурсы и др., что в конечном итоге напрямую влияет на уровень и качество жизни всего населения нашей планеты. Грамотное распределение и дальнейшее справедливое использование поступлений от освоения разведанных минерально-сырьевых объектов предопределяют уровень и темпы социально- экономического развития всех без исключения стран мира, а также являются «индикаторами зрелости» как государственных органов управления, так и всего гражданского населения. Стратегическое направление – это создание организаций и союзов для координации деятельности и выработки общей минерально-сырьевой политики стран участников. Действующий пример такой организации – ОПЕК. Подобные структуры ОПЕК могут быть также созданы для координации геологической разведки и последующей добычи полезных ископаемых в крупных геологических структурах, пересекающих границы нескольких стран (Монголо-Охотский складчатый пояс) или экстерриториальных (Мировой океан, Антарктида, планеты Солнечной системы). Можно представить, что в будущем глобальном мире для геологической разведки не будет границ ни на континентах, ни в океанах, ни в космосе.

Сейчас платное налогообложение в российском недропользовании противоречит мировой практике и экономической науке.

Основным налогом является налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ), который взимается со стоимости единицы добытого сырья в виде потонной (для нефти, газа и угля) или адвалорной (процентной) ставки для других полезных ископаемых. Эти ставки не зависят от конкретного участка недр, от конкретного месторождения, от геолого-технологических, социально-экономических и инфраструктурных условий добычи на конкретном месторождении. Это противоречит экономической теории горной ренты, представляющей, по образному выражению академика Д. Львова незаработанный доход, доход «от Бога»! [11, с.88]

В России отсутствует налог на добычу полезных ископаемых на конкретном месторождении, который принят в подавляющем числе добывающих стран мира.

Сегодня в связи с новой волной приватизации эту ошибку российского налогового законодательства надо исправить.

Для этого следует ввести рентный платёж на каждое эксплуатируемое месторождение, называемый в мировой практике «роялти», который похож на взимаемый в России земельный налог с каждого конкретного участка земли. Но для этого участки недр (месторождения), как и земельные участки, должны иметь кадастровую стоимость и должны быть занесены в государственную казну и в государственный реестр недвижимости.

На то, что участки недр, являющиеся государственной собственностью, не учитываются в государственной казне, обращено внимание в письме Счётной палаты РФ №01-48/04-03 от 16 января 2009 г. Председателю Правительства РФ В.В. Путину, в котором, в частности, отмечается, что «имущество казны Российской Федерации составляет основу национального богатства и является одним из базовых ресурсов государственного регулирования экономики, в особенности в условиях мирового экономического кризиса и обусловленной им нестабильности мировой экономики и финансовых рынков… В отличие от существующей практики утверждения стратегий развития важнейших отраслей экономики на долгосрочный период, стратегия по формированию фонда резервных месторождений углеводородного сырья (фонд минерально-сырьевых ресурсов для будущих поколений) не разработана. В казне Российской Федерации находится только 3,1 процента общего объёма запасов нефти, что является недостаточным для обеспечения гарантий энергетической безопасности страны».

Вместо действующего налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) следует ввести «налог на минеральные ресурсы», соответствующий так называемой абсолютной ренте, представляющей собой право собственника (а им является государство!) на получение дохода от каждой единицы собственности. Это - аналог арендной платы при предоставлении собственности в пользование.

Рентные доходы, их разумное использование - основа социального развития государства, консолидации гражданского общества (примеры: ОАЭ, Оман, Кувейт, Норвегия и т.д.). Рентный доход всегда материализуется или в руках отдельных личностей, в т. ч. правителей государства, то ли в бюджете государства, то ли в офшорах (что стало заметно в конце XX века), а также в мировой теневой валютной экономике в глобальной политической системе. Инновации в геологии и добыче направлены на резкий рост производительности труда - речь идет почти о безлюдной технологии добычи, что в свою очередь влечёт увеличение горной ренты и все те позитивные и негативные последствия, связанные с ростом горной ренты.

Мировая горная рента разделила

страны, где «сырьевое проклятие» в действии и где наступило сырьевое благоденствие. «Сырьевое проклятие» нельзя рассматривать только для добывающих стран, оно не менее серьёзно действует на потребляющие страны, что, в частности, сказывается в странах еврозоны, странах СНГ - Белоруссии, Украине. И в то же время чётко выделилась зона сырьевого благоденствия: страны ОПЕК, Норвегия, Канада, Индонезия, Малайзия, Аляска и ряд других штатов США. Экспортно-ориентированная стратегия является основой развития и благополучия многих стран, добывающих сырье. Неправомерно такую стратегию называть сырьевой, экспортно-сырьевой и т. п. терминами, которые стали синонимами негативной экономики. Российская экономика с учетом модернизации условий недропользования вполне способна приобрести социально-направленный вектор своего развития за относительно короткий промежуток времени. В первую очередь за счет использования горной ренты в социальных целях.

При этом ее сырьевой сектор способен и должен обеспечить не только социальные аспекты (образование, медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение и т.п.) жизни российского гражданского общества, но и создать надежную основу высокотехнологичного инновационного развития страны в будущем.

Социально-экономическая направленность новой волны приватизации может и должна стать народной объединительной идеей, неким искуплением от прежних ошибок. Но для этого надо обеспечить баланс государственных и социальных интересов.

Хорошим примером является увеличение более чем в два раза дивидендов в компании «Роснефть», которые получит государство и направит их в ОАО «Роснефтегаз» для покупки акций предприятий ТЭК (60 млрд. руб. вместо запланированных ранее 25,6 млрд. руб.).

Нынешнюю волну приватизации должна олицетворять ярко выраженная социальная функция в форме наделения граждан России публичной ассоциированной собственностью.

Желательно, чтобы работники приватизируемых предприятий и миноритарии имели бы блокирующий пакет (25% плюс одна акция).

Новая волна приватизации уже сейчас вызывает значительный интерес во всех слоях общества. Ведется широкая дискуссия о формах, механизмах и сроках приватизации.

Однако на фоне начинающегося нового кризиса (баррель нефти стоит уже менее 40-50 долларов США) раздаются суждения о целесообразности замедления приватизации. Ряд политиков и экономистов считают, что надо подождать, пока закончится мировой финансово-экономический кризис.

Если суммировать все плюсы и минусы надвигающегося кризиса, то представляется, что сегодня необходимо, наоборот, ускорить процесс приватизации, привлечь деньги населения, расширить средний класс собственников. Как известно, сегодняшняя экономическая наука обосновывает необходимость ускоренного развития экономики именно в критические кризисные времена. А приватизация, как известно, способствует подъему реального экономического сектора.

Литература

1. Маркс К., Энгельс Ф. ПСС 2е изд., в 50 т.

2. Вальрас Л. Элементы чистой политической экономии. - М.: Изограф, 2000. - 448 с.

3. Мэнкью Н.Г. Принципы экономикс. - СПб: Питер Ком, 1999, 784 с.

4. Хансен Э. Экономические циклы и национальный доход.- М.: Издательство Иностранной Литературы, 1959, 749 с.

5. Маршалл А. Принципы политической экономии.- М.: Прогресс. 1983. Т.1

6. Хейне П. Экономический образ мышления.-М.: Каталаксия, 1997, 704 с.

7. Как избежать ресурсного проклятия. / под ред. М. Хамфриса, Д. Сакса и Д. Стиглица; пер. с англ. Н. Автономовой, И. Фридмана под ред. Е. Добрушиной и А. Ю. Кнобеля. М.: Изд. Института Гайдара, 2011.- 464 с.

Ссылки:

1 Все призывы к отказу от капитализма или действующего мирового порядка носят характер благих пожеланий и ничего конкретного в себе не несут. Даже самые, казалось бы, содержательные проекты, вроде «денег Гезелля», не устраняют главной причины кризисов – феодальных отношений между трудом и капиталом на производстве.

2К. Маркс: «...под классической политической экономией я понимаю всю политическую экономию, начиная с У. Петти, которая исследует внутренние зависимости буржуазных отношений производства.» [1, т.23, С. 91, сноска 32]

3 Далее: «В противоположность ей вульгарная политическая экономия толчется лишь в области внешних, кажущихся зависимостей, все снова и снова пережевывает материал, давно уже разработанный научной политической экономией, с целью дать приемлемое для буржуазии толкование, так сказать, наиболее грубых явлений экономической жизни и приспособить их к домашнему обиходу буржуа. В остальном она ограничивается тем, что педантски систематизирует затасканные и самодовольные представления буржуазных деятелей производства о их собственном мире как лучшем из миров и объявляет эти представления вечными истинами.» [Там же]

4 Издержки добычи нефти, например, на порядок ниже цены её реализации.

5 Транснациональные компании (корпорации).

6 «Вульгарная политическая экономия, которая «действительно так ничему и не научилась», здесь, как и везде, хватается за внешнюю видимость явления в противоположность закону явления. Она полагает, в противоположность Спинозе, что «невежество есть достаточное основание»» [1, т.23, С.317]

7 Маркс – о безрентных отношениях в «планомерном» обществе:

«Если представить себе, что капиталистическая форма общества уничтожена и общество организовано как сознательная и планомерная ассоциация, то ... общество не стало бы приобретать этот земледельческий продукт в обмен на такое количество рабочего времени, которое в 2 1/2 раза превышает действительно содержащееся в этом продукте рабочее время; благодаря этому отпала бы основа существования класса собственников земли. Это оказало бы совершенно такое же влияние, как удешевление продукта...» [1, т.25, ч.2, С.213]

8 Здесь применяется термин «рента» в принятом сегодня понимании получения чиновниками незаработанного дохода.

9 После окончания войны (1945 г.) в СССР началось восстановление разрушенной экономики. По сути, это была вторая волна индустриализации, подкрепленная новыми трофейными технологиями (первая волна длилась с 1929 по 1941 гг.). Прирост производства оказался такой, что правительству пришлось в течение шести лет (с 1947 по 1953 гг.) снижать цены на потребительские товары, дабы избежать их перепроизводства (затоваривания). Когда энергия второй волны иссякла и рост экономики стал замедляться (с 1955 г), снижение цен

прекратилось, и началась борьба с их ростом. Из-за износа техники стали расти издержки. Из-за дефицита рабочей силы росли зарплаты (с опережением цен) и стали накапливаться денежные сбережения граждан. В результате на потребительском рынке возникло устойчивое превышение спроса над предложением. Так хронический дефицит стал «визитной карточкой» СССР.

10 Спекулятивную ренту не следует путать с природной рентой. Сегодня «спекулятивная» рента широко распространена в действующей экономике, в которой механизм «купи-продай» без изменения товара широко распространен.

11 «В соответствии с принципом социализма «От каждого – по способностям, каждому – по труду» государство осуществляет контроль за мерой труда и потребления.» [8, Статья 14]

12 «Вся власть в СССР принадлежит народу» [8, Статья 2]

«Земля, ее недра, воды, растительный и животный мир в их естественном состоянии являются неотъемлемым достоянием народов, проживающих на данной территории, находятся в ведении Советов народных депутатов и предоставляются для использования гражданам, предприятиям, учреждениям и организациям.» [8, Статья 10]

Кстати, лишенная экономического смысла формулировка «являются...достоянием народов, проживающих на данной территории, перекочевала в действующую Конституцию Российской Федерации (Статья 9).

13 «Источником роста, общественного богатства, благосостояния народа и каждого советского человека является свободный от эксплуатации труд советских людей» [8, Статья 14]

Role of a mountain rent in domestic and foreign policy of the states

Volkov I.V.
Diplomatic academy MFA of Russia

The subject matter of the article is to outline the significance of the rent in states' internal and foreign economic policy. A particular attention is paid to the impact of the rent on the economy of the former USSR and today's Russia, the role of the monopoly rent, natural rent (mostly mining rent) and the price rent.

The article states that the negative role of the monopoly rent causes economic adverse effect to the suppliers of these rent. The mining rent arises in different mining areas (land, mineral resources, forest lands, etc.). It is stated that in Russia the mining rent essentially occurs in the subsoil use, which is collected by special purpose taxes: Mineral Extraction Tax (MET) and export custom duties. The article stipulates that today the main kind of rent is the price rent, as well as, that all forms and types of the rents are caused by the comparative prices of their sources and as a result this brings to a difference of this prices, which comes to the market like a differentiation of the prices of the similar goods. The most ordinary and a mass phenomenon in the economy still remains without the attention of specialists in the economics sphere. Even the classical political economy did not notice that. The article also shows the effect of this factor on the economy and the policy of the foreign states and Russia. The article argues that the economy efficiency in general is determined by the situation of the mentioned rents relations established in the society. In case the society (science) do not pay a serious attention to this fact, the monopoly rent as the simplest and the crudest form can be established, which always causes crises.

Key words: monopoly rents, natural, including mining rent, price rent, the economic and domestic policy of foreign states, the USSR and Russia, caused by the above types of rent.

References

1. Marx K., Engels F. PSS 2nd ed., In 50 tons.
2. Valras L. Elements of pure political economy. - Moscow: Izograf, 2000. - 448 p.
3. Mankyu N.G. Principles of economics. - St. Petersburg: Peter Kom, 1999, 784 c.
4. Hansen, E., Economic cycles and national income .- Moscow: Izdatelstvo Foreign Literature, 1959, 749 p.
5. Marshall A. Principles of political economy .- Moscow: Progress. 1983. T.1
6. Heine P. The economic way of thinking. -M .: Catalachsia, 1997, 704 p.
7. How to avoid resource curse. / Ed. M. Humphreys, D. Sachs and D. Stiglitz; trans. with English. N. Avtonomova, I. Fridman, ed. E. Dobrushina and A. Yu. Knobel. Moscow: Izd. Institute of Gaidar, 2011.- 464 p.